

Духовные дары откровения и канон Нового Завета*

Роберт Л. Томас
Профессор Нового Завета
Семинария Мастерс, Сан Валлей, Калифорния

В трех своих посланиях – Римлянам, 1 Коринфянам и Ефессянам – апостол Павел говорит о том, как Бог созидает тело Христово, наделяя верующих духовными дарами. Некоторые из восемнадцати перечисленных им даров служат для передачи церкви особого откровения, которое дополняет богодухновенный материал, уже имеющийся у первых христиан из Ветхого Завета. В этой статье мы рассмотрим связь между канонам Нового Завета и этими дарами откровения.

Сначала мы обсудим новозаветные духовные дары, – прежде всего те, которые были даны в дополнение к дару апостольства. После этого мы исследуем несколько примеров действия даров откровения в Новом Завете, а затем рассмотрим те критерии каноничности, которые использовала ранняя церковь, – и в этих двух заключительных частях мы уделим особое внимание дару пророчества.

Духовные дары откровения

Исследование связи канона Нового Завета с духовными дарами откровения естественно начать с дара апостольства. Именно на апостольское авторство чаще всего указывают как на критерий каноничности, а, по мнению некоторых исследователей, это вообще единственный критерий. Харрис пишет: «... В ранней церкви критерием каноничности было апостольское авторство¹... Можно сделать вывод, что каноничность книги Библии определяется ее авторством. Если книга была в Ветхом Завете, она принималась современниками, потому что была написана пророком. Если книга входила в Новый Завет, она признавалась богодухновенной, если была написана апостолом – лично или под его диктовку»². Он приводит данные из Нового Завета, иллюстрирующие авторитет апостолов³, и делает следующее заключение: «Господь Иисус не дал нам через пророчество списка двадцати семи новозаветных книг. Однако Он дал нам список их богодухновенных авторов [апостолов]»⁴. Невозможно отрицать роль апостолов ни в написании книг Нового Завета, ни в признании этих книг Ранней Церковью как части богодухновенного Писания наряду с канонам Ветхого Завета.

Однако ограничиться лишь одним этим критерием, по меньшей мере, неосмотрительно. В связи с Ефес. 4:11 и 1 Кор. 12:28 Харрис говорит о более высоком положении апостольства и более низком – пророчества: «Дара пророчества должны были желать все христиане, апостольство же приходило от Бога»⁵. Далее, сравнивая новозаветное пророчество с ветхозаветным, он указывает на более низкий статус новозаветных пророков в смысле божественного авторитета и отмечает при этом, что

* Первоначально данная статья появилась в *The Master's Seminary Journal* 8. Вып. 1. Осень 1997. С. 5-28. Переведена и опубликована на сайте www.propovedi.ru с разрешения.

¹ Harris L. «Preface» // *Inspiration and Canonicity of the Scriptures*. Greenville, SC: A Press, 1995. С. 3.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 234-247.

⁴ Там же. С. 247.

⁵ Там же. С. 241.

такие свидетельства, как исполнение предсказанного и чуда, по отношению к ним неприменимы⁶.

Такое представление о даре пророчества ошибочно. Прежде всего, хотя новозаветный пророк и не должен был демонстрировать исполненные предсказания и чуда, он должен был пройти испытание различения духов перед своими братьями-пророками (1 Кор. 12:10; 14:29)⁷. Также, из контекста 1 Кор. 12-14 ясно следует, что Бог наделяет дарами Духа согласно Своей воле, а не по человеческому желанию. Как сказано в 1 Кор. 12:11: «Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно». Эта мысль подтверждается и в 1 Кор. 12:18: «Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно». Дар пророчества не был предназначен для раздачи среди членов тела Христова. Похоже, Харрис не понял смысла 1 Кор. 12:31, – это призыв к поместной общине стремиться к большим дарам, а не призыв к отдельному христианину желать этого для себя лично. 1 Кор. 14:29-31 разъясняет, что лишь некоторые в коринфской церкви обладали этим даром. Последний отрывок говорит также, что авторитет пророческого дара в любом случае был подчинен авторитету Павла, который, будучи апостолом, определял его применение⁸.

Апостольство – это не единственный дар откровения, о котором говорит Павел в своих посланиях. Он говорит также о пророчестве и еще о двух дарах, которые в каком-то смысле пересекаются с апостольством или пророчеством или заменяют их. Это слово мудрости и слово знания (1 Кор. 12:8)⁹. На связь между ними указывает и тот факт, что мудрость и знание заменены апостольством и пророчеством в начале перечня в 1 Кор. 12:28-29¹⁰. О том, что эти три дара – пророчество, слово мудрости и слово знания, – также являются дарами откровения, свидетельствует следующее.

(1) Близкая ассоциация пророчества с апостольством требует отнести их к одной и той же категории. Дважды в 1 Кор. 12:28-29 пророчество упоминается вместе с апостольством как второй по важности дар для назидания церкви. В Ефес. 4:11 пророки идут на втором месте после апостолов в списке тех, кто послужил созиданию Тела Христова. Пожалуй, самое интересное – это отнесение пророков наряду с апостолами (Ефес. 2:20-21) к тем, кто сыграл важную роль в духовном основании «святого храма» Церкви¹¹. Основание состоит в принятии и передаче того, что не было возведено ранее (Ефес. 3:3, 5), и касается сонаследия и соучастия язычников с иудеями во Христе Иисусе (Ефес. 3:6). Павел говорит, что новое откровение «не было возведено прежним поколениям сынов человеческих, как ныне открыто святым апостолам Его и пророкам Духом» (Ефес. 3:5; курсив мой. – Р. Т.). Согласно апостолу, Божье особое откровение вместе с апостолами приняли и пророки.

Также, Ефес. 2:19–3:10 содержит лексику, которая характерна для контекста, связанного с откровением. Это *apokalypsin* («откровение») в 3:3, *mysterion* («тайна») в

⁶ Там же. С. 245.

⁷ Томас Р. *О дарах духовных: систематическое изучение 1 Коринфянам 12-14* / Пер. с англ. Сакраменто: Издательство «Благодать», 2006. С. 62-64, 243-245.

⁸ Stonehouse N. «The Authority of the New Testament» // *The Infallible Word* / Под ред. N. B. Stonehouse и Paul Woolley. – 3-е изд. Phillipsburg, N. J.: Presbyterian and Reformed, 1980. С. 115-116.

⁹ Чарльз Ходж относится к тем, кто толкует «слово мудрости» как способ, используемый Святым Духом для передачи откровений относительно личности и деяний Христа (Hodge C. *An Exposition of the First Epistle to the Corinthians*. – 6-е изд. Лондон: Banner of Truth, 1959. С. 245).

¹⁰ Там же. С. 245-246.

¹¹ О том, что апостольство и пророчество – это не один, а два дара, см. Томас. *О дарах духовных*. С. 291-314, а также Farnell D. «Does the New Testament Teach Two Prophetic Gifts?» // *Bibliotheca Sacra* 150. Январь-март 1993. С. 62-88.

3:3 и *mysterio* в 3:4, *apekalyphthe* («открыта») в 3:5, *mysteriou* в 3:9 и *apokekrymmenou* («сокрытой») в 3:9. Когда используются эти слова, они описывают действия Бога, открывающего Своим особым служителям то, что до сих пор было сокрыто и касается осуществления Его замысла в мире. Они говорят о прямом откровении, предполагающем богодухновенность произносимого, или, что касается Нового Завета, написанного от Божьего имени. *Gnorizo* («делать известным») в Ефес. 3:3, 5, 10 обретает здесь особое значение объявления Божьей воли¹². К этой лексике относится, конечно, и существительное *apostolos* («апостол») в 2:20 и 3:5, которое, по практически единодушному мнению ученых, обозначает обладающих особым авторитетом лиц, уполномоченных Самим Христом и получивших прямое откровение для Церкви.

Упоминание пророков наряду с апостолами в обстоятельствах, непосредственно связанных с откровением, и их роли в передаче ранее сокрытого (Ефес 3:5) указывает, что дар пророчества – это также дар откровения. Нельзя не отметить, что, кроме всего прочего, здесь (Ефес. 3:10) употребляется термин *sophia* («мудрость»), который также имеет отношение к дарам. Он подразумевает новые сведения, полученные через апостолов и пророков. Использование этого слова привлекает наше внимание к другому отрывку.

(2) Павел много говорит о мудрости в Первом послании к коринфянам, в особенности в 1 Кор. 2, а это еще один отрывок, где используется лексика, имеющая отношение к откровению. Здесь содержится, пожалуй, лучшее в Новом Завете описание христианского откровения¹³. При этом употребляются такие термины, как *mysterion* (ст. 1¹⁴, 7), *apokrypto* (ст. 7), *apokalypto* (ст. 10) и *sophia* (ст. 1, 4, 5, 6 [дважды], 7 и 13). Кроме этого, Павел дает яркую картину открытого, объединив Ис. 64:4 и 52:15 (ст. 9) и использовав при этом выражение *ta bathe* («глубины»¹⁵, ст. 10), обозначающее то, что Дух открыл Павлу и другим Божьим посланникам.

Говоря об откровении, апостол подчеркивает, что действующим лицом в откровении является Святой Дух, и завершает свое описание откровения так: «Что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святого, соображая духовное с духовным» (1 Кор 2:13), т.е. «облекая истины Духа в слова Духа», как толкует последние три слова греческого текста Чарльз Ходж, который далее добавляет:

Ни в Библии, ни в человеческих писаниях нет более простого и ясного изложения учения об откровении и божественном вдохновении. Откровение – это передача божественного знания Божьим Духом человеческому уму. Вдохновение – это действие того же Духа, направляющее тех, кто сообщает эту истину другим. Мысли и истины, которые передаются, и слова, которыми они передаются, провозглашаются в равной степени исходящими от Духа¹⁶.

¹² Mundle W. «*apokalypto*» // *NIDNT*. Т. 3. С. 314.

¹³ Конечно, Апокалипсис содержит много сведений о том, как Бог дал откровение Иоанну на острове Патмос, но этот случай является исключительным.

¹⁴ Ватиканский кодекс и кодекс Безы входят в длинный список источников, поддерживающих вариант *martyrion* в 1 Кор. 2:1; вариант *mysterion* основывается на Синайском, Александрийском кодексах и некоторых других.

¹⁵ Ф. Грошейд говорит, что «глубины Божьи» – это Сам Бог в Своей беспредельности, включая замысел спасения во Христе (Рим. 11:33) (Grosheide F. *Commentary on the First Epistle to the Corinthians* // *NICNT*. Grand Rapids: Eerdmans, 1953. С. 68). Колин Браун считает, что под этим выражением подразумевается Божья «тайная мудрость» (Brown C. «*theos*» // *NIDNT*. Т. 2. С. 75). Бланк говорит, что это «христианский парадокс открытого и сокрытого», другими словами – откровение (Blunck J. «*bathos*» // *NIDNT*. Т. 2. С. 198).

¹⁶ Hodge C. *Systematic Theology*. London: Thomas Nelson, 1880. Т. 1. С. 62.

Полученное от Духа человек должен был провести через свое сознание и Духом облечь в богодухновенные слова для передачи другим. Передача могла быть устной, подобно пророческому сообщению в собрании в Коринфе, или письменной, подобно Первому посланию Павла к коринфянам. В первом случае сообщение служило нуждам конкретной общины в определенное время. Во втором случае, удовлетворив доктринальные и практические нужды коринфской церкви, сообщение продолжает подобным образом служить нуждам Тела Христова и поныне. Божественное откровение было невозможно без божественного вдохновения.

Sophia занимает большое место в рассуждениях Павла об откровении и богодухновенности, что говорит о значимости этого термина. Иногда он обозначает мудрость в широком смысле, доступную всем верующим, но в нашем контексте он имеет более узкое значение «глубин Божьих», открытых в особом откровении. Это и подразумевает Павел, когда говорит о «слове мудрости» в 1 Кор. 12:8. Этим даром были наделены немногие: только апостолы и пророки имели способность получать, осознавать и передавать «тайны» другим.

(3) Дар «слова знания» связан с откровением, так как о нем идет речь наряду с пророчеством в 1 Кор. 13:2: «Если имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу и] горы переставлять, а не имею любви, – то я ничто». Если знание проистекает от пророческого откровения, вследствие своего характера оно также принадлежит откровению. Как слово мудрости соответствует впервые открытым сведениям, так и слово знания соответствует богодухновенному применению этих сведений в новых условиях, о чем идет речь в 2 Петр. 3:1-3 и Иуд. 17-18¹⁷.

Если в Новом Завете идет речь более чем об одном даре откровения – а по всей вероятности это так, – то написанное неапостолами также может быть богодухновенно.

Примеры действия даров откровения в Новом Завете

Новый Завет содержит примеры того, как при помощи даров откровения были даны богодухновенные высказывания и писания.

(1) Один из таких фактов – служение Агава. Будучи одним из пророков, пришедших из Иерусалима в антиохийскую церковь, он предсказал великий голод, который будет при кесаре Клавдии (Деян. 11:27-28). Вскоре это пророчество исполнилось, что и послужило причиной визита Варнавы и Савла Тарсянина в Иерусалим с пособием для церкви в Иудее (Деян. 11:29-30).

Каким образом Агав смог предсказать будущее? Бог открыл ему что должно произойти как человеку, обладающему даром пророчества, и он облеч откровение в слова, которые он передал христианам. Основываясь на этом богодухновенном сообщении, антиохийская церковь оказала помощь своим братьям в Иудее.

Нигде в Писании Агав не называется апостолом, но он назван пророком. Дар пророчества давал ему полное право получать и передавать богодухновенное сообщение. Книга деяний рассказывает еще об одном исполнившемся пророчестве Агава.

Между тем как мы пребывали у них многие дни, пришел из Иудеи некто пророк, именем Агав, и, войдя к нам, взял пояс Павлов и, связав себе руки и ноги, сказал: так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников (21:10-11).

¹⁷ См. Томас. *О дарах духовных*. С. 143-144.

Далее говорится и о точном исполнении этого пророчества (21:33)¹⁸. Это еще один пример того, как откровение было получено и передано человеком, который не был апостолом, но обладал даром пророчества.

(2) Также, Книга деяний сообщает о пророчестве, которое было произнесено Павлом и затем исполнилось. Павел предсказал, что на захваченном штормом корабле никто не погибнет (27:22). Это откровение сообщил ему ангел Бога, Которому он верил (27:23-25). Было предсказано даже то, что корабль будет выброшен на остров (27:26). Все подробности этого пророчества исполнились (27:41-44).

Заслуживает внимания сходство между этими двумя случаями. Хотя более естественно ожидать, что богодухновенные сведения будет получать и передавать апостол, однако, то же самое справедливо и в отношении Агава, который апостолом не был.

Вероятно, все апостолы имели дар пророчества, но, конечно, не все пророки были апостолами.

(3) Харрис пишет, что «ни одна книга Нового Завета не говорит, что она была написана пророком»¹⁹, но он имеет все основания исправить это заявление, когда признаёт, что такой книгой является Откровение²⁰. Брюс совершенно верно отмечает, что один из авторов Нового Завета положил в основу своей книги исключительно пророческое вдохновение:

«Апокалипсис назван “книгой пророчества сего” (Откр. 22:19); автор подразумевает, что его слова вдохновлены тем же пророческим Духом, который говорил через пророков прежде, и что он является их преемником (Откр. 22:9)... Был провидец с Патмоса сыном Зеведея или не был, – в своем воззвании в Апокалипсисе он исходит не из апостольских полномочий, а из пророческого вдохновения»²¹.

Последняя книга Библии убедительно доказывает, что новозаветный дар пророчества в силу своего характера имеет непосредственное отношение к откровению. В основе авторитета книги – пророческая роль автора, а не дар апостольства. Харрис правильно указывает на принадлежность перу апостола как на важный по мнению Ранней Церкви критерий каноничности книги, но с точки зрения Иоанна значение его книги определяется ее пророческим характером.

В двадцати двух главах этой книги он употребляет слово *prophetes* и однокоренные слова восемнадцать раз.²² Исходя из целого ряда моментов, Иоанн ставит себя в один ряд с ветхозаветными пророками²³. Ему было видение, в силу которого он получил полномочия от Бога (1:9-20). Он совершал символические действия, например, съел книжку (10:10). В начале своих сообщений (2:1, 8, 12, 18; 3:1, 7, 14), он использует особые пророческие формулировки. Особое – если не главное – внимание он уделяет ветхозаветному пророчеству (10:7), но через несколько стихов он говорит о своем собственном новозаветном пророческом даре (10:11). В 11 главе в первых трех случаях речь, по всей вероятности, идет о ветхозаветном пророчестве (11:3, 6, 10), если этими свидетелями были Моисей и Илия.

¹⁸ См. защиту непогрешимости этого пророчества там же. С. 304-306.

¹⁹ Harris. *Inspiration and Canonicity*. С. 245.

²⁰ Там же. С. 324.

²¹ Bruce F. F. *The Canon of Scripture*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1988. С. 264-265.

²² *Propheteia* встречается семь раз (1:3; 11:6; 19:10; 22:7, 10, 18-19), *prophetis* – один раз (2:20), *propheteuo* – дважды (10:11; 11:3), и *prophetes* – восемь раз (10:7; 11:10, 18; 16:6; 18:20, 24; 22:6, 9).

²³ Rentdorff R. «*prophetes k.t.l.*» // *TDNT*. Т. 6. С. 812; Friedrich G. «*prophetes k.t.l.*» // *TDNT*. Т. 6. С. 849; Hill D. *New Testament Prophecy*. Atlanta: John Knox, 1979. С. 87-88.

Однако выражение *tois prophetais* в 11:18 вероятно включает в себя и ветхозаветных, и новозаветных пророков. На это указывает то, что сходный текст (18:20) связывает пророков с апостолами и что ангел называет пророков братьями Иоанна (22:9)²⁴. Однако в 10:7 автор совершенно определенно говорит о ветхозаветных пророках. Таким образом, в этой книге Иоанн неоднократно объединяет новозаветных пророков с имеющими высокий авторитет ветхозаветными пророками²⁵. Предлагается следующее объяснение того, почему Иоанн поступил так: к тому времени, когда Иоанн писал Откровение ни одного апостола не было в живых, кроме него, в силу чего пророчество выдвинулось на первый план²⁶. В свете того, что Иоанн придает особую важность пророчеству в своих посланиях и в книге Откровение, идея такого перемещения авторитета в конце I века представляется вполне приемлемой²⁷. Претензия Иезавели на обладание пророческим даром (2:20) – еще одно свидетельство возвышения этого дара.

Ответственность за смерть «святых и пророков» очевидно лежит на Вавилоне (16:6), так как далее (17:6) сказано, что блудница «упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых». Из связи между двумя отрывками можно сделать вывод, что пророки в 16:6 – это христианские пророки. Иначе, они и сопровождающие их «святые» не могли бы быть свидетелями Иисуса. Тот же вывод можно сделать касательно 18:20, 24. Употребление в ст. 20 *prophetai* вместе с *apostoloi* требует того, чтобы речь шла о христианских пророках, как и то, что они были преследуемы за Иисуса²⁸. В 19:10 подразумевается исключительно новозаветное пророчество. Хотя ветхозаветные пророки получали откровение от Духа Христова (1 Петр. 1:11), центром их свидетельства не было свидетельство Иисусово. Слова «свидетельство Иисусово есть дух пророчества» (19:10) могут относиться только к новозаветным пророкам, через которых говорил Иисус. Интересно, что 19:10 поднимает откровение новозаветного пророка на высоту ангельского откровения. В ответ на попытку Иоанна поклониться ему ангел назвал себя сослужителем Иоанна и других христианских пророков, что говорит об авторитетности пророческого вдохновения: в свидетельстве Иисуса пророкам принадлежала такая же роль, что и ангелам.

В Откр 22:6, 7, 9, 10, 18, 19 о пророчестве говорится в связи со служением Иоанна, выразившемся в фиксации пророчества в книге Откровение. Особого внимания заслуживает то, что о других христианских пророках речь идет как о «сослужителях» ангелу (22:9). То есть, высокое служение пророка принадлежит не одному Иоанну, но также и его современникам, которые также обладали даром пророчества.

Конечно, как уже было сказано, в 22:18-19 объявляется о завершении новозаветного пророчества²⁹. В действительности, церковь не откликнулась на это предостережение немедленно. Закат пророчества происходил постепенно в течение II века, а при Ипполите³⁰ и Иоанне Златоусте³¹ дар пророчества считался достоянием прошлого.

²⁴ Aune D. *Prophecy in Early Christianity and the Ancient Mediterranean World*. Grand Rapids: Eerdmans, 1983. С. 196.

²⁵ Thomas R. *Revelation 8-22: An Exegetical Commentary*. Chicago: Moody Press, 1995. С. 112.

²⁶ Aune. *Prophecy in Early Christianity*. С. 197; Mounce R. *The Book of Revelation // NICNT*. Grand Rapids: Eerdmans, 1977. С. 232.

²⁷ Ср. Томас. *О дарах духовных*. С. 315-346.

²⁸ Beasley-Murray G. *The Book of Revelation // NCB*. Grand Rapids: Eerdmans, 1978. С. 268.

²⁹ Томас. *О дарах духовных*. С. 344-345; Thomas R. *Revelation 8-22*. С. 513-519.

³⁰ Ипполит. «О Христе и об антихристе» // *ANF*. Т. 5. С. 204-219, особенно 205, 211; ср. Burgess S. *The Spirit and the Church: Antiquity*. Peabody, MA: Hendrickson, 1984. С. 52; Heine R. «The Role of the Gospel of John in the Montanist Controversy» // *The Second Century* 6. 1987-1988. С. 12.

Наше исследование показывает, что Новый Завет говорит о четырех дарах откровения – апостольство, пророчество, слово мудрости и слово знания. Последние два дара пересекаются с первыми двумя и не являются столь ярко выраженными. В том, что с откровением непосредственно связано апостольство, сомнений нет, поэтому наше исследование будет посвящено в первую очередь раскрытию сущности новозаветного пророчества, которое также принадлежит откровению.

Критерии каноничности

Если новозаветное пророчество непосредственно связано с откровением, а результатом откровения являются богодухновенные высказывания и писания, имеет смысл рассмотреть те критерии, которые использовались Ранней Церковью для определения, какие книги являются частью канона.

Богодухновенность

Исходя из 2 Тим. 3:16, можно сделать вывод, что книга входит в канон, если она богодухновенна: «Все Писание богодухновенно». Книга должна быть *theopneustos*, чтобы быть частью Писания, и она должна быть таковой, чтобы быть канонизированной, потому что книги новозаветного канона составляют Писание Нового Завета так же, как книги ветхозаветного канона составляют Писание Ветхого Завета. Но, по мнению некоторых современных исследователей, канон и Писание – не одно и то же, так как канон опосредован человеческим фактором – сомнениями, спорами, задержками³². Они считают канон теологическим построением, относящимся к постапостольскому периоду, Писание же богодухновенно, ему не свойственны какие бы то ни было ограничения или отбор.

Однако такое понимание канона не учитывает того факта, что авторы книг Нового Завета, осознавали, что они записывают Писание³³, и знали, что их писания дополняют уже завершённый канон Ветхого Завета³⁴ и составляют новый канон, который со временем будет завершён, если раньше не придёт Христос. Если концепция канона существовала уже тогда, нет оснований считать канон «теологическим построением», возникшим в постапостольский период. Представляется более резонным согласиться с мнением Харриса и Уорфилда, что богодухновенность действительно является критерием каноничности³⁵.

Тем не менее, Ранняя Церковь не использовала этот тест исключительно и буквально. Гэмбл отмечает: «Нигде в рассуждениях Ранней Церкви об авторитетности своих писаний мы не находим примеров того, чтобы в качестве критерия распознавания использовалась богодухновенность»³⁶. Во II веке христиане жили в обстановке многочисленных вдохновенных высказываний, некоторые из которых

³¹ Иоанн Златоуст. «Гомилии о Втором Послании коринфянам». С. 29, 36; ср. Farnell D. «When Will the Gift of Prophecy Cease?» // *Bibliotheca Sacra* 150. Апрель-Июнь 1993. С. 195-196 сн. 79.

³² Например, Dunbar D. «The Biblical Canon» // *Hermeneutics, Authority, and Canon* / Под ред. D. A. Carson и John D. Woodbridge. Grand Rapids: Baker, 1995. С. 356; ср. McDonald L. *The Formation of the Christian Biblical Canon*. – Испр. и расшир. изд. Peabody, MA: Hendrickson, 1995. С. 142-143.

³³ Harris. *Inspiration and Canonicity*. С. 235-245.

³⁴ Там же. С. 293-294.

³⁵ Там же. С. 191; Warfield B. *The Inspiration and Authority of the Bible*. Philadelphia: Presbyterian and Reformed, 1970. С. 163-165; 415-416.

³⁶ Gamble H. *The New Testament Canon: Its Making and Meaning*. Philadelphia: Fortress, 1985. С. 72.

сохранились из апостольского периода³⁷, а другие, предположительно, относились ко II веку.

По всей видимости, они воспринимали 2 Тим. 3:16 достаточно свободно и относили к категории «богодухновенных» и писания постапостольского периода³⁸. Такое распространение «богодухновенности» на писания II века и более поздние писания объясняется тем, что отцы Ранней Церкви не были способны провести четкое отличие.

Отнесение к богодухновенным многих высказываний, относящихся к апостольскому периоду, правомерно. Вполне вероятно, что ранние христиане сохраняли слова Иисуса, которых нет в канонических Евангелиях. К этой категории относится, например, случай, когда Павел цитирует Иисуса в Деян. 20:35. Также, некоторые из тех, кто жил при жизни апостолов или чуть позже, могли помнить пророчества, данные поместным церквям. Они могли не касаться блага всего Тела Христова и поэтому не были сохранены последующими поколениями.

Таким образом, во II веке перед Церковью стояла задача просеять все эти накопившиеся высказывания и писания – одни были подлинными, а другие – подделками, – и отделить те, которые могли послужить возрастанию Церкви до второго пришествия Господа Иисуса. Их задача состояла не в том, чтобы исключить небогодухновенные писания, а скорее в том, чтобы выбрать те, чья богодухновенность была особой в том смысле, что их значение было долговременным и универсальным, а авторитет соответствовал авторитету ветхозаветного канона³⁹. На основании чего они это делали? Перед тем, как книги получали признание, они были подвергнуты проверке, основанной на определенных критериях.

Апостольство

Первым таким критерием было апостольство или принадлежность апостолу. Сам Иисус не написал ничего, но Он назначил Своих особых представителей, которые среди Его последователей имели самый высокий авторитет. Вопрос важности апостольского авторства для христианских писателей II века досконально исследовал Харрис⁴⁰. В тех случаях, когда автор не был апостолом, с точки зрения отцов Церкви значение имело влияние апостолов. Таким образом, апостольский авторитет Петра распространялся на Евангелие от Марка, а авторитет Павла – на Евангелие от Луки и Послание к евреям⁴¹. Нет никаких сомнений в том, что связь писания с апостолом была важнейшим фактором отбора, когда Ранней Церкви пришлось столкнуться с множеством якобы богодухновенных писаний.

³⁷ Климент Александрийский цитирует послание Климента Римского как Писание (Климент Александрийский. «Строматы», iv. 17 // ANF T. 2. С. 428-429).

³⁸ Брюс Мецгер обращает внимание на то, что первые христиане использовали *theopneustos* по отношению к таким писаниям, как пояснения Василия Великого к шести дням творения, определение Эфесского собора, эпитафия на могиле епископа Аверция (Брюс Мецгер. *Канон Нового Завета: Возникновение, развитие, значение* / Пер. с англ. М.: ББИ, 2011. С. 250). Он также отмечает, что Августин и Иероним, как считалось, писали под диктовку Святого Духа (там же), и что Климент Александрийский цитировал «богодухновенные» отрывки из посланий Климента Римского, Варнавы, из «Пастыря» Ерма и Апокалипсиса Петра, приписывая Иисусу высказывания, которые не содержатся в четырех канонических Евангелиях (там же. С. 134).

³⁹ Young E. «The Authority of the Old Testament» // *The Infallible Word* / Под ред. N. B. Stonehouse и Paul Woolley. – 3-е изд. Phillipsburg: Presbyterian and Reformed, 1980. С. 55-91.

⁴⁰ Harris. *Inspiration and Canonicity*. С. 248-259.

⁴¹ Bruce. *Canon of Scripture*. С. 257-258.

Имел ли этот фактор определяющее значение? Брюс делает следующий вывод: «Патристическая идея, что Евангелие [от Луки] обязано апостольскому авторитету Павла, совершенно необоснована»⁴². Ошиблась ли Ранняя Церковь? Опиралась ли она при отборе на неверные критерии? Стоунхауз отвечает на этот вопрос отрицательно: церковь включила Евангелия от Марка и от Луки в канон не по причине их апостольского авторитета, а вследствие их богодухновенности⁴³.

Харрис пытается обосновать свое представление о том, что апостольство было единственным критерием, утверждая, что Марк и Лука следовали за своими учителями – Петром и Павлом, а Послание к евреям было написано Павлом с помощью другого человека⁴⁴. Относительно авторства Посланий Иакова и Иуды Харрис не имеет определенного мнения. Он считает их апостольскими или потому, что их написали Иаков и Иуда, входившие в число двенадцати, или потому, что их написали Иаков и Иуда, братья Господа, бывшие свидетелями Его воскресения и ставшие апостолами в особом смысле⁴⁵.

В защиту своей позиции Харрис пишет: «Интересно, что нет надежных данных об утерянных посланиях апостолов»⁴⁶, и далее добавляет: «Попытки доказать, что были какие-то книги, которые были утеряны, оказались безуспешными»⁴⁷. Однако, сказанное самим Павлом в его сохранившихся посланиях указывает на то, что он писал и другие письма, которые не дошли до наших дней. Самым убедительным свидетельством является упоминание о таком утерянном послании в 1 Кор. 5:9-11. Для большинства читателей ясно, что речь идет о письме, написанном коринфянам перед Первым посланием. Другим подобным свидетельством является Флп. 3:1. Лайтфут пишет об этом так: «Наши канонические послания составляют лишь часть – возможно, не очень большую – всей переписки апостола [Павла] с церквями и отдельными людьми»⁴⁸. Возможно, упоминание «одобренных писем» в 2 Кор. 3:1 подразумевает, что в первых общинах были распространены письма, подобные Третьему посланию Иоанна. Если некоторые из них и были написаны апостолами, до наших дней они также не дошли.

Недостатком точки зрения, настаивающей на том, что апостольство было единственным критерием каноничности, является и идея, что авторитетные апостолы Христа были безошибочны во всем, что говорили и писали. Чтобы ее опровергнуть, вполне достаточно взглянуть на поведение Петра в Антиохии, где он отказывался общаться с язычниками (Гал. 2:11-14). То, что Павел выступил против него, доказывает, что апостолы совершали ошибки и после того, как были призваны Христом быть его полномочными представителями. Следовательно, и по этой причине одно лишь апостольство не является достаточным критерием каноничности.

Не двенадцатью учениками и не Павлом были написаны такие книги Нового Завета, как Евангелие от Марка, Евангелие и от Луки и Книга деяний апостолов, Послание к евреям и Послания Иакова и Иуды⁴⁹. Если признать, что Иаков и Иуда

⁴² Там же. С. 265-266.

⁴³ Stonehouse. «Authority of the New Testament». С. 114, 119.

⁴⁴ Harris. *Inspiration and Canonicity*. С. 255, 281-282.

⁴⁵ Там же. С. 273-274.

⁴⁶ Там же. С. 283.

⁴⁷ Там же. С. 295.

⁴⁸ Lightfoot J. «Lost Epistles to the Philippians?» // *St. Paul's Epistle to the Philippians*. – 6-е изд., 1913; репр.; Grand Rapids: Zondervan, 1953. С. 138; ср. Мецгер. *Канон Нового Завета*. С. 266 сн. 12, 277 сн. 34.

⁴⁹ Настоящее исследование исходит из общепринятого авторства книг Нового Завета. Что касается Послания к евреям, предполагается – что согласуется с мнением многих отцов Ранней Церкви, – что оно принадлежит неизвестному автору.

были назначены апостолами Самим Христом – а на апостольство Иакова указывает Гал. 1:19, и это подразумевается в 1 Кор. 15:7, – то неапостольскими остаются четыре книги. То, что круг апостолов не был ограничен двенадцатью учениками и Павлом, по всей видимости, подразумевается в 2 Кор. 11:13. Противники Павла не могли бы пытаться выдавать себя за апостолов, если бы к последним относились только тринадцать известных людей.

Защитники идеи одного критерия говорят, что четыре книги, упомянутые выше, являются апостольскими по своему характеру, даже если они и не были написаны апостолами. Как уже отмечалось выше, Харрис утверждает, что они были написаны учениками апостолов или под их диктовку, вследствие чего эти книги и обладают апостольским авторитетом⁵⁰. Однако эта теория безосновательна, поскольку апостольство – это духовный дар, который не может быть передан. Апостол не мог передать ни дар, ни связанную с ним способность. Чтобы книга имела апостольский авторитет, ее должен был написать апостол, а не кто-то, им назначенный. Один лишь Бог наделяет даром апостольства (1 Кор. 12:11, 18), как, впрочем, любым духовным даром. Более того, апостолом мог стать лишь тот, кто был свидетелем воскресения Христа. Марк мог быть свидетелем воскресения Христа, но Лука и автор Послания к евреям не были (Лк. 1:1-4; Евр. 2:1-4).

Таким образом, не все книги, которые церковь включила в канон Нового Завета, были признаны богодухновенными на основании их апостольства. Гэмбл согласен с этим: «Каким бы распространенным и важным ни был этот критерий, все же следует признать, что ни одно из новозаветных писаний не получило своего канонического статуса вследствие одного лишь апостольского авторства»⁵¹. Некоторые книги не были написаны апостолами, и, значит, богодухновенность четырех таких книг должна основываться на каком-то другом даре.

Пророческое вдохновение

Другой дар говорения, закладывающий основание для богодухновенной передачи информации, – это дар пророчества. Выше было убедительно показано, что Иоанн указывал единственно на пророческий характер Апокалипсиса. Также, он не разграничивал ветхозаветное и новозаветное пророчество. Как же церковь во II веке отнеслась к тому, что пророческий характер книги может доказывать ее богодухновенность?

Канон Муратори оценивает пророческое происхождение весьма высоко в этой связи⁵². Он не только утверждает включение Апокалипсиса в канон, но и использует эту книгу в качестве критерия кафоличности посланий Павла: «... Сам благословенный апостол Павел, следуя примеру своего предшественника Иоанна, обращается поименно только к семи церквям... Несомненно, на земле есть лишь одна Церковь. Ибо и Иоанн в Апокалипсисе, хотя пишет семи церквям, обращается все же ко всем»⁵³.

⁵⁰ Harris. *Inspiration and Canonicity*. С. 285.

⁵¹ Gamble. *New Testament Canon*. С. 68; cp. Voorwinde S. «The Formation of the New Testament Canon» // *Vox Reformata* 60. 1995. С. 25.

⁵² Настоящее исследование исходит из того, что Канон Муратори был составлен в конце II века (см. Hill C. «The Debate over the Muratorian Fragment and the Development of the Canon» // *Westminster Theological Journal* 57. Вып. 2. Осень 1995. С. 437-452; Horbury W. «The Wisdom of Solomon in the Muratorian Fragment» // *Journal of Theological Studies* 45. 1994. С.158-159.

⁵³ Gamble. *New Testament Canon*. С. 46.

Ставя Павла в зависимость от Иоанна, составители Канона таким образом показывают, что пророческому вдохновению они отдают преимущество над апостольским авторством. Брюс пишет:

Заявление, что Павел следует за Иоанном, с хронологической точки зрения абсурдно. По всей вероятности подразумевается, что для составителя основным критерием для включения в канон является пророческое вдохновение. В Ранней Церкви преобладающим критерием, по всей видимости, было если не апостольское авторство, то апостольский авторитет. Для этого писателя даже апостольское авторство стоит на втором месте после пророческого вдохновения⁵⁴.

Общий образец для Павла, который написал семь писем, и Иоанна, который написал семь посланий в Откр. 2-3, свидетельствует о стремлении достичь этими посланиями церковь во всяком месте. Первенство, которое автор отдает Апокалипсису, отражает его высокое мнение об этой книге среди прочих. Брюс совершенно прав в том, что составитель Канона Муратори придает особое значение пророческому вдохновению, на котором, впрочем, основывает свой авторитет и сам Апокалипсис.

Учитывая мнение автора Канона, следует толковать и нижеследующее его утверждение:

«Пастырь» был написан Ермом в городе Риме совсем недавно, уже в наше время, когда его брат Пий был епископом церкви в Риме; и следовательно, его можно читать, но не должно провозглашать в церкви ни среди пророков, число которых завершено, ни среди апостолов, время которых истекло.

По мнению Брюса и Мецгера, здесь подразумеваются ветхозаветные пророки⁵⁵, но многое в контексте указывает на то, что речь идет все же о завершении числа *новозаветных* пророков⁵⁶.

Во-первых, из особого отношения составителя канона к Апокалипсису Иоанна следует, что упоминание именно *новозаветных* пророков достаточно вероятно. Во-вторых, нигде в предлагаемом им списке не упоминается *Ветхий Завет*⁵⁷. Если речь идет исключительно о книгах, которые со временем были включены в *новозаветный* канон, к чему здесь должно быть вставлено замечание о ветхозаветных пророках? В-третьих, составитель никак не мог иметь в виду чтение «Пастыря» вместе с *ветхозаветными* пророками, потому что это определено *христианское* произведение. Он рассматривал книги, имеющие отношение к Новому Завету, и не было бы никакого смысла в том, чтобы отрицать возможность чтения христианского произведения среди писаний ветхозаветных пророков. В-четвертых, недавнее написание «Пастыря» дает

⁵⁴ Bruce. *Canon of Scripture*. С. 164.

⁵⁵ Там же. С. 166; Мецгер. *Канон Нового Завета*. С. 304 сн. 8.

⁵⁶ См. Heine. «Gospel of John in the Montanist Controversy». С. 13; против Shogren G. «Christian Prophecy and Canon in the Second Century: A Response to B. V. Warfield» (представлено на 47-ом ежегодном собрании Евангельского Богословского Общества, Филадельфия, 18 ноября, 1995). С. 19.

⁵⁷ Единственное упоминание Ветхого Завета, когда составитель пишет: «Также Книга премудрости, написанная друзьями Соломона в его честь», является косвенным. «Премудрость Соломона» – книга апокрифическая, и то, что она включена в этот перечень, неожиданно. Мецгер пишет: «Почему эта любопытная книга включена в список христианских канонических писаний, остается загадкой» (Мецгер. *Канон Нового Завета*. С. 195). В качестве объяснения Брюс предлагает тот факт, что время ее написания ближе к эпохе Нового Завета, чем Ветхого (Bruce. *Canon of Scripture*. С. 165). Уильям Хорбери считает, что составитель упомянул «Премудрость Соломона» без намерения включить ее в канон, и то, что он сделал это ближе к концу своего перечня, означает, что она относилась к книгам сомнительным для *обоих* заветов (Horbury. «The Wisdom of Solomon in the Muratorian Fragment». С. 152-156).

составителю основание исключить его из списка книг, которые читались в церкви. Возможно, это подразумевает, что период нормативного новозаветного откровения истек незадолго до того, как это произведение было написано⁵⁸. Маловероятно, чтобы речь шла об исключении недавно написанной книги из ветхозаветных пророков, которые завершили свои писания четырьмя столетиями ранее.

Если же автор говорит о завершении числа новозаветных пророков и это является для него основанием для того, чтобы не рекомендовать чтение «Пастыря» в церкви, то это еще один аргумент в пользу того, что он считал пророческое вдохновение основанием для включения книги в канон Нового Завета.

О большом значении пророческого вдохновения для канонизации говорится во многих произведениях, относящихся к периоду Ранней Церкви. «Дидахе» объединяет новозаветных пророков одну группу с апостолами и ветхозаветными пророками, подчеркивая важность различения истинных пророков и апостолов и ложных⁵⁹:

...всякий приходящий к вам апостол да будет принят как сам Господь. Но он не должен оставаться более одного дня, в случае же нужды может оставаться и на второй; если же останется три дня, то он лжепророк. Уходя, апостол не должен брать ничего, кроме хлеба (необходимого) до тех пор, пока где-нибудь не остановится. Если же потребует денег, то он лжепророк. И всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не расследывайте; ибо всякий грех простится, а этот грех не простится. Но не всякий, говорящий в духе, есть пророк, а только кто имеет нрав Господень, ибо по нраву своему будет признан лжепророк и [истинный] пророк... Всякий же изведанный, истинный пророк, поступающий согласно со всемирною тайною Церкви, но не учащий делать всего того, что он сам делает, да не будет вами судим, ибо его суд у Бога; так поступали и древние пророки (11.4-8, 11).

Отметим, что говорящие в духе попеременно называются то апостолами, то пророками.

Игнатий Антиохийский также возвышает дар пророчества, когда наставляет своих читателей слушать христианских пророков, потому что пророки «жили по Иисусу Христу» и были «вдохновляемы Его благодатью» (*Магнезийцам* 8.2; 9.2). Далее он добавляет, что христианам нужно любить не только Евангелие и апостолов, но и пророков, потому что они объявили о пришествии Христа и стали Его учениками (*Филладельфийцам* 5.2)⁶⁰. Климент Александрийский говорит о «пророческом духе» как об источнике целого ряда не только ветхозаветных, но и новозаветных частей Писания (*Педагог* 1:5). Поскольку он говорил о непророческой части Нового Завета, по всей вероятности, он имел в виду пророческое вдохновение, которое лежит в основе всех книг Библии. Иустин Мученик писал об Аврааме: «Ибо как он поверил голосу Божию, и это было вменено ему в праведность, так и мы, поверив сказанному нам Богом через апостолов Христовых и провозглашенному через пророков, отказались вплоть до смерти от всего, принадлежащего миру»⁶¹. Он выступал в защиту пророческой силы в христианской церкви⁶².

⁵⁸ Hurtado L. «Muratorian Fragment» // *ISBE* / Под ред. Geoffrey W. Bromiley. Т. 3. С. 433.

⁵⁹ См. Dunbar. «The Biblical Canon». С. 327.

⁶⁰ Там же, 325.

⁶¹ «Разговор с Трифоном иудеем» (глава 119) // *ANF*. Т. 1. С. 259; ср. Westcott B. *A General Survey of the History of the Canon of the New Testament*. – 6-е изд. Cambridge & London: Macmillan, 1889. С. 173. То, что Тертуллиан относил автора Апокалипсиса к пророкам, очевидно из его слов: «...также один из нас, человек по имени Иоанн, один из апостолов Христа, пророчествовал в данном ему откровении, что уверовавшие в Христа проведут тысячу лет в Иерусалиме» (*Диалоги*, глава 100.81; Westcott. *General Survey*. С. 121).

⁶² Westcott. *General Survey*. С. 168.

В III веке Дионисий Александрийский, ученик Оригена, ошибочно полагал, что Откровение не было написано апостолом Иоанном, но тем не менее принимал его как богодухновенную книгу⁶³. Выступая против мнения, что автором Апокалипсиса был апостол, он писал: «Я не осмелюсь отвергнуть эту книгу» (Евсевий Кесарийский, *Церковная история* 7.25). Готовность Дионисия признать авторитетность Апокалипсиса при том, что его автором не был апостол, говорит о признании другого, отличного от апостольства источника вдохновения – по всей вероятности, дара пророчества.

По меньшей мере, еще трое из отцов Ранней Церкви усматривают связь между письмами Павла семи церквям и семью посланиями Иоанна в Откр. 2-3. Это Киприан, Викторин и Иероним⁶⁴. Первый и второй отмечают сходство между церквями у Павла и у Иоанна, что говорит о следовании Павлом пророческому образцу Иоанна.

Таким образом, о пророческом вдохновении говорилось, хотя и не столь громко и много, как об авторитете апостольства. В свете столь древнего свидетельства, представляется справедливым заключение, которое делает Госсен:

И поскольку Св. Лука и Св. Марк были, подобно многим другим пророкам, сотрудниками, избранными Св. Павлом и Св. Петром, разве не ясно, что двое апостолов наделили их дарами, которые они раздавали многим уверовавшим? Разве мы не видим, что Петр и Иоанн прежде идут в Самарию, чтобы передать эти дары верующим в этом городе (Деян. 8:14, 17), а затем Петр приходит в Кесарию, чтобы принести их язычникам, услышавшим слово в доме сотника Корнилия? Разве мы не видим, что Св. Павел щедро наделяет ими верующих в Коринфе, Ефесе и Риме (Деян. 19:6, 7; 1 Кор. 12:28; 14; Рим. 1:11; 15:19, 29)? Разве мы не видим, как через Павла на любимого им сына Тимофея перед тем, как он был поставлен на служение, сошла духовная сила (1 Тим. 4:14; 2 Тим. 1:6)? Разве не очевидно, что Св. Петр, должно быть, сделал для своего сына Марка (1 Петр. 5:13) то же, что Св. Павел для своего товарища Луки (Деян. 13:1; 16:10; 27:1; Рим. 16:21; Кол. 4:14; 2 Тим. 4:11; Флм. 24; 2 Кор. 8:18)? Сила, которого Павел взял с собой (как брал Луку и Иоанна, называемого Марком), был пророком в Иерусалиме (Деян. 15:32). В первых церквях было множество пророков. Многие пришли из Иерусалима в Антиохию (Деян. 11:27), многие находились в Коринфе (1 Кор. 12:19-20; 14:31, 39), а Иуда и Сила были пророками в Иерусалиме. Агав был пророком в Иудее (Деян. 11:28), четыре дочери Филиппа благовестника пророчествовали в Кесарии (Деян. 21:9-10), много пророков было в церкви в Антиохии (Деян. 13:1-2), среди которых были Варнава (первый из спутников Св. Павла), Симеон, Манаил, сам Савл Тарсянин, и, наконец, Луций Кириинянин, которого, как считается, Павел в Послании к римлянам называет своим сродником (16:21), а в Послании к колоссянам *Лукой, врачом* (4:14), – одним словом, это Св. Лука, или, как еще называли его древние отцы, Луций или Луканус.

Благодаря этим фактам становится совершенно очевидным, что Св. Лука и Св. Марк относились к тем пророкам, которых Господь во множестве дал всем церквям иудеев и язычников, и что они были избраны из всех Святым Духом для того, чтобы вместе с апостолами записать священные книги Нового Завета⁶⁵.

Госсен ошибался в том, что апостолы имели силу передавать дары людям, но он был прав в том смысле, что они были способны видеть, какие дары другие люди получили от Бога. Он правильно определяет обилие людей с даром пророчества в Церкви I века и тот факт, что Лука и Марк написали свои Евангелия на основании откровения, полученного посредством пророческого дара. В сущности, Павел подтверждает полномочность пророческого дара Луки, когда цитирует Лк. 10:7 как «Писание» (1 Тим. 5:18). Хотя ни Лука, ни Марк не называются в Новом Завете

⁶³ Harris. *Inspiration and Canon*. С. 268.

⁶⁴ Киприан Карфагенский. «К Фортунату об увещании к мученичеству», 11; Викторин. «Об Апокалипсисе», 1.7, об Откр. 1:20; Иероним. *Послания* 53.9.

⁶⁵ Gaussen L. *Theopneustia: The Plenary Inspiration of the Holy Scriptures*. – Испр. изд. / Пер. с франц. 1949; репр., Chicago: Moody Press. С. 83-85.

пророками, другого удовлетворительного объяснения, почему их книги признаны каноническими, нет. То же касается Послания к евреям. Автор его признаётся сам, что не был ни свидетелем жизни и воскресения Христа, ни апостолом (Евр. 2:1-4), следовательно, чтобы получить особое откровение и написать богодухновенное произведение, он должен был обладать даром пророчества.

Критерий пророческого вдохновения подлежал проверке. При осуществлении испытания необходимо было иметь в виду, что, согласно указаниям Павла, авторитет апостольства стоит выше пророчества (см. 1 Кор. 14:29-32). Этим объясняется склонность отцов Ранней Церкви устанавливать связь книг пророков с апостолами. Они связывали Евангелие от Луки, Книгу деяний апостолов и Послание к евреям с Павлом, а Евангелие от Марка – с Петром. Новозаветные пророки не функционировали независимо от апостольского руководства.

Таким образом, чтобы книга была признана богодухновенной, она должна была принадлежать апостолу или пророку. Однако в распоряжении первых христиан было множество материалов, которые соответствовали одному из этих двух критериев. Как же они поступали в таких случаях? По мнению Брюса, они прибегали к дополнительным испытаниям на древность, ортодоксальность, кафоличность и традиционное использование⁶⁶.

Древность

Произведение, появившееся уже после эпохи апостолов и пророков, не могло быть каноническим, хотя и кто-то и мог счесть его богодухновенным. Составитель Канона Муратори очень высоко оценивал «Пастырь» Ерма, но эта работа была написана слишком поздно и не заслуживала того, чтобы ее читали в церкви. К Апокалипсису Петра с уважением относились в некоторых кругах, но он был написан кем-то другим и позднее и, по мнению составителя Канона Муратори, не имел достаточного авторитета, чтобы получить всеобщее признание. Таким образом, проверка на раннее происхождение служила лишь для подтверждения апостольского и пророческого характера книги.

Ортодоксальность

Чтобы определить, достойна ли книга включения в канон Писания, Церковь II века испытывала писания, считавшиеся богодухновенными, на ортодоксальность. Речь идет о соответствии учению книг, несомненно принадлежавшим апостолам, и учению церквей, основанных апостолами⁶⁷. В то время, когда развивались такие ереси, как докетизм и гностицизм, появились поддельные евангелия и книги деяний, претендующие на апостольское авторство, и церковь должна была проверить, соответствует ли содержащееся в них учение тому, чему в действительности учили апостолы. В основанных апостолами церквях это учение передавалось от служителей к служителям неизменным и было обобщено в церковных символах веры и крещальных формулах⁶⁸.

Такое правило веры давало отпор Маркиону, заявляя, что Библия включает не только Евангелие от Луки и десять посланий одного апостола, но четыре Евангелия и тринадцать посланий Павла, а также Книгу деяний апостолов, описывающую ту

⁶⁶ Bruce. *Canon of Scripture*. С. 259-263.

⁶⁷ Там же. С. 260.

⁶⁸ Там же. С. 171-172.

обстановку, в которой эти послания были написаны⁶⁹. Так было положено начало апостольского предания, и все прочие книги должны были соответствовать по учению этим книгам. То есть, апостольское предание помогло определить, что является Писанием, и книги, признанные первыми, помогли определить рамки новозаветного канона⁷⁰.

Главным было учение книги о личности и деяниях Христа. Говорит ли она о реально существовавшем Иисусе из Назарета, который был распят, воскрес из мертвых, вознесся и воссел одесную Отца⁷¹? Любое произведение, в центре которого не было истинного изображения Иисуса, не принималось (см. 1 Кор. 12:3). Если в нем подвергалась сомнению Его совершенная человечность, как, например, в работах гностиков, оно не могло стать каноническим (1 Ин. 4:2-3). То же самое касалось сомнений в Его божественности или в действительности Его воскресения.

Некоторые писания, вполне ортодоксальные по своему учению, не были признаны вследствие своей подложности. Это так называемые «Деяния Петра», «Деяния Павла» и «Апокалипсис Петра»⁷². Они не прошли также и испытания на древность.

Остается ряд произведений, которые проходят испытания на богодухновенность (являются апостольскими или пророческими), древность и являются безупречно ортодоксальными, но, тем не менее, не были включены в канон⁷³. Ниже будут обсуждаться еще два критерия – кафоличность и традиционное использование.

Кафоличность

Чтобы стать частью новозаветного канона, книга должна была стать полезной не только в местном масштабе. Ее должна была принять вся Церковь. Западная Церковь долго не принимала Послание к евреям, но, в конце концов, сделала это, чтобы идти в ногу с остальными церквями⁷⁴.

Хотя в настоящее время кто-то мог бы выступить против включения в канон некоторых посланий Павла, как, например, Посланий к коринфянам и к галатам, исходя из их локальной значимости, руководители Ранней Церкви сочли их полезными для всех церквей, потому что Павел обращался к семи церквям так же, как и Иоанн в своем Откровении⁷⁵. Все писания прежде всего получали местное признание, канонические же книги получили еще и всеобщее распространение.

Традиционное использование

Этот критерий стал действовать с III-IV вв. В частности, Ориген и Евсевий уже пытались определять, находилась ли книга в церковном употреблении с ранних времен⁷⁶, а позднее это делали Иероним и Августин⁷⁷. Если все прочие, названные выше критерии принимали во внимание сугубо внутренние свойства книги, то этот критерий учитывал место книги в церковной практике⁷⁸.

⁶⁹ Там же. С. 151-151.

⁷⁰ Gamble. *New Testament Canon*. С. 69-70.

⁷¹ Bruce. *Canon of Scripture*. С. 260.

⁷² Там же. С. 261.

⁷³ Gamble. *New Testament Canon*. С. 70.

⁷⁴ Bruce. *Canon of Scripture*. С. 261.

⁷⁵ См. обсуждение в разделе «Пророческое вдохновение»; ср. Bruce. *Canon of Scripture*. С. 262.

⁷⁶ Gamble. *New Testament Canon*. С. 70-71.

⁷⁷ Мецгер. *Канон Нового Завета*. С. 232, 234.

⁷⁸ Gamble. *New Testament Canon*. С. 70.

Традиционное использование книги не является главным фактором. Некоторые произведения, которые время от времени читались в церквях, как, например, «Пастырь» Ерма, Первое послание Климента, «Дидахе», не были включены в канон Нового Завета. Однако, другие, которые использовались совсем недолго и редко – Послание Иакова, Второе послание Петра, Второе и Третье послания Иоанна, – стали частью канона, хотя для этого и потребовалось время⁷⁹. По сути, этот критерий только подтверждал выводы, сделанные исходя из других критериев.

Итак, первые христиане определяли, была ли книга богодухновенной и обладала ли она авторитетом, равным авторитету ветхозаветного канона, испытывая книгу следующим образом. Имеет ли книга апостольское или пророческое происхождение? Если да, то она богодухновенна и имеет шанс. Если же нет, она не может быть богодухновенной. Является ли она достаточно древней, т. е. появилась ли она в период жизни апостолов? Если да, она может быть включена в канон. Ортодоксальна ли она, т. е. соответствует ли учению апостолов? Если да, возможность включения в канон для нее остается. Имеет ли она католический характер, т. е. благотворна ли она для всех церквей? Если да, она может стать канонической. Используется ли она в церквях уже какое-то время? Если да, то это окончательно решает вопрос о ее включении в канон Нового Завета.

Все это не означает, что к каждой книге был применен каждый тест и что первые христиане применяли их именно в этом порядке. Гэмбл отмечает:

Должно быть ясно, что принципы каноничности, на которых основывалась Ранняя Церковь, были многочисленны, разнообразны и достаточно свободно определены, их применение не было систематическим и полностью последовательным и они использовались в разных сочетаниях⁸⁰.

Проверка, является ли книга апостольской или пророческой, была необходима, но, в конечном счете, как и когда церковь применяла остальные критерии, определялось Божьим провидением.

Должно быть ясно, что без особого откровения, имеющего своим следствием богодухновенность, ни одна книга не достигла бы каноничности. Вот почему дары апостольства и пророчества – с сопровождающими их дарами слова мудрости и знания – не могут не занимать важнейшего места в исследовании канона Нового Завета. Без богодухновенных высказываний и писаний I века новозаветный канон не возник бы. Наряду с учением Иисуса во время Его земного служения, эти дары были теми средствами, которые использовал Бог для передачи Своего Нового Завета Церкви и будущим поколениям. Каноничность писаний неотделима от их предназначения.

Заключение

К дарам откровения, данным Телу Христову, относятся четыре дара: апостольство, пророчество, слово мудрости и слово знания. Два последних являются проекциями первых двух даров, имеющих большую значимость в Новом Завете. Даром пророчества были наделены не только апостолы, хорошим примером чего является служение Агава. Таким образом, люди, которые не были апостолами, также получали особое откровение и передавали богодухновенные сообщения.

В Ранней Церкви высоким признанием, равным авторитету ветхозаветного канона, пользовались слова и писания апостолов, так как они были уполномочены

⁷⁹ Там же. С. 71; Bruce. *Canon of Scripture*. С. 263.

⁸⁰ Gamble. *New Testament Canon*. С. 71.

Самим Христом быть его представителями. Но апостольское авторство не могло быть единственным критерием каноничности, поэтому Ранняя Церковь высоко оценила пророков и признала каноническими их богодухновенные писания. В последнее десятилетие I века Иоанн подчеркнул важность пророчества, заявив, что пророческое вдохновение является основой авторитета Апокалипсиса, и поставив новозаветного пророка на один уровень с ветхозаветными пророками и ангелами, служащими для передачи Божьего откровения. Особое значение пророческому откровению придавал Канон Муратори, а затем «Дидахе», Игнатий, Климент Александрийский, Иустин Мученик и другие.

Первые христиане достигли согласия в том, что из богодухновенных писаний апостолов и пророков следует избрать двадцать семь книг, достойных признания в качестве канона Нового Завета. Они отобрали их из многих относящихся к I веку богодухновенных писаний, под Божьим водительством применяя критерии древности, ортодоксальности, кафоличности и традиционного использования.